

Михаил

От бурсы до снятия сана

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69   **Михаил**
От бурсы до снятия сана / Михаил – М.: Книга по Требованию, 2022. –
159 с.

ISBN 978-5-519-96863-8

ISBN 978-5-519-96863-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

никъ, опять перебили окна у инспектора и улизнули прежде, чѣмъ полиція сообразила, кто и откуда бѣетъ.

Октября 17.

Среди бунтующихъ расколъ. Одни увѣряютъ, что цѣль будетъ достигнута, если Дубинкина убить, другіе увѣряютъ, что это будетъ пересоль.

„Цѣль уже достигнута. О бунтѣ знаютъ всѣ въ городѣ, узнаютъ и въ Питерѣ и по головкѣ Дубинкина не погладятъ. Какъ ни какъ, долю „удовольствія“ Дубинкинъ уже пережилъ и не скоро „прокашляется“. Если же убить его, ничего подобнаго онъ не будетъ чувствовать“.

Третьи дрожали за свои шкуры и тянули за ликвидацию бунта.

Октября 20.

Вчера было педагогическое собраніе членовъ правленія. Все время въ корридорѣ, около забитой двери, стояли общежитники и слушали. За бунтъ по докладу Дубинкина лишено казеннаго содержанія двадцать человѣкъ.

Дубинкинъ утверждалъ, что всѣхъ бунтарей онъ узналъ „по голосу“

Только одинъ Струнковъ рѣшился возражать ему, утверждая, что вся вина лежитъ не на семи-наристахъ, а на инспекторѣ. Но его мнѣніе осталось гласомъ вопіющаго въ пустынь, и всѣхъ узанныхъ по голосу сегодня же выгнали.

Въ числѣ уволенныхъ оказались, какъ нарочно, самые трусливые, тѣ, что все время бунта лежали на койкахъ, завернувшись съ головой въ одѣяло. Теперь—или голодовка на постояломъ дворѣ, или, еще хуже—иди въ псаломщики.

Ноябрь 3.

Нѣтъ пятого урока. Часъ до обѣда. До смерти хочется ѣсть!

У дверей класса Вася Кандарицкій и Костя Широкинскій держать пари, кто узнаетъ до точности, что сегодня будетъ на обѣдѣ. Въ спальнѣ они обыкновенно состязаются въ разбираниі надписей на пароходахъ, идущихъ по Волгѣ. Теперь шель „носовой“ спортъ. Оба усиленно втягиваютъ воздухъ и Костя увѣряетъ что горохъ и каша, а Вася не соглашается.

„У тебя, Костя, хотъ и великъ носъ, а только храпѣтъ мастеръ, во всемъ прочемъ онъ дуракъ дуракомъ“.

Хорошо что сегодня постный день. По скоромнымъ днямъ намъ варятъ мясныя щи, въ которыхъ бѣлыя, какъ вермишель, черви плаваютъ такъ густо, что на каждую зачерпнутую ложку приходится ихъ около восьми штукъ.

Щи довольно жирны, и поэтому Вася Кондарицкій убѣждаетъ насъ ѣсть червей какъ приправу, не заглядывая ни въ миску, ни въ тарелку, ни въ ложку. Наливая себѣ щей, самъ онъ выкраиваетъ такія „фізіи“, что мы смѣемся сквозь злость. Черви противны, но ѣсть хочется. Послѣ обѣда тошнить, но все же это не муки голода.

Триста рублей получаетъ экономя и на эти деньги не только живетъ, но и четыре дома приобрѣлъ.

Прежде у насъ была своя пекарня, и хлѣба давали когда и сколько хочешь. Закрылъ Іуда: не выгодно.

Скоро-ли? Тьфу! хотъ бы червей, хотъ бы дьяволовъ... Писалъ отцу, просилъ присылать по рублю въ мѣсяцъ. Купилъ бы что-нибудь, но нѣтъ и такихъ капиталовъ у родителя.

188... 1., января 2.

Прислали новаго ректора. Полуспившійся, полусумасшедшій вдовый священникъ принялъ монашество и какими то судьбами получилъ ректорство и архимандритство.

Сегодня мы съ Митричемъ сидимъ въ классѣ вдвоемъ и читаемъ «Обрывъ» Гончарова.

Митричъ усѣлся въ креслѣ и обѣ ноги задралъ на кафедру. Онъ читаетъ, а я слушаю, присѣвъ на ручку кресла.

Семинарія точно вымерла. Почти всѣ уѣхали на Рождество. Пустынно, тоскливо. Святки тянутся, какъ годъ. Издали по корридору слышенъ стукъ чьихъ-то шаговъ. Это, должно быть, какой-нибудь, какъ мы, горемыка скитается по корридору.

— Др... др!.. затрещала вдругъ дверь нашего класса.

Вошелъ ректоръ. Я всталъ. Митричъ рванулъ ногу съ кафедры, но не тутъ-то было, съ отчаяннымъ усиліемъ онъ дернулся другимъ бокомъ и опять не сорвалъ ногъ съ кафедры.

Ректоръ стоялъ около него.

— «Американецъ!.. Мы можемъ читать только по американски».

Въ это время Митричъ сдѣлалъ такое напряженіе, что кафедра затрещала и качнулась впередъ, а тяжелое кресло отодвинулось назадъ. Онъ всталъ весь красный, тяжело хлопая глазами.

— Посмотрѣли бы мужики, какъ ихъ будущіе пастыри задираютъ ноги, качая головой заговорилъ ректоръ. На мѣстѣ преподавателя онъ деретъ ноги. Твое мѣсто здѣсь, за партой.

Митричъ опомнился и понялъ, что неудобно объясняться съ ректоромъ съ кафедры. Выпятивъ грудь и высоко поднимая по обычаю ноги, онъ направился къ своей партѣ.

— И походка хороша. Какъ будто бревна ногами мечеть. Лошадь, какъ есть лошадь! Локти всѣ изодраны,—ворчалъ ректоръ вслѣдъ Митричу.

Онъ, конечно, не зналъ, что у Митрича съ несчастной страстью къ гимнастикѣ не одни только локти страдали. Бывали случаи, что утромъ онъ надѣнетъ одну брюку, а другую никакъ не можетъ

найти: или онъ самъ ее забросилъ куда по разсѣянности или спрятали для курьеза товарищи.

— А что это у тебя за книга?—подошелъ ректоръ къ Митричу.

— Обрывъ, Гончарова,—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, вотъ, Обрывъ. А потомъ и обрывается. Зачѣмъ вамъ Обрывъ? Вамъ нужно читать слово Божіе, твореніе св. отцовъ, а вы какой-то «Обрывъ». Что вамъ нравится въ этихъ книгахъ? Амуры разводятся, любовь, любовь?!..

Цѣлый битый часъ стояли мы, а ректоръ все ходилъ по классу, перебиралъ четки и говорилъ, говорилъ.

Мы уже возымѣли было надежду, что все кончится словоизверженіемъ, какъ вдругъ онъ подошелъ къ Митричу и говорить:

— А «Обрывъ» то я у васъ возьму и скажу библіотекарю, чтобы вамъ больше ничего подобнаго не выдавали.

Взялъ книгу и унесъ.

Обычно добродушный Митричъ страшно обозлился:—принесла нелегкая!—безъ того нечего читать, а онъ и это взялъ. Постой же, пойду возьму изъ публичной библіотеки Поль-де-Кока и на зло буду читать. Всего Поль-де-Кока прочту.

— Попадешься, отберетъ, тебѣ нагоритъ и за книгу придется платить,—замѣтилъ я.

— Не придется. Я иду. Вечеромъ будемъ читать Поль-де-Кока.

Часовъ въ 7 онъ возвратился.

— Вотъ,—показалъ онъ мнѣ книгу.—Всего двое только и спросили сегодня: я да, должно быть, горничная.—„Позвольте, говорить мнѣ Поль-де-Кокá“. Знаетъ, должно быть, что французскія слова имѣютъ удареніе на послѣднемъ слогѣ. Послѣ нея и я Поль-де-Кокá за бока.

До ужина мы клеили фонарь, наглухо закрытый съ трехъ сторонъ и сверху.

Послѣ ужина поставили въ уголъ парту, придвинули къ ней доску, скинули съ оконъ холщевыя сторы и накрыли ими свое убѣжище сверху.

Митричъ зажегъ фонарь.

— Видать?

Я вышелъ въ корридоръ и сталъ смотрѣть въ классъ черезъ стеклянную дверь. Ни на потолокъ, ни на стѣны—никакихъ признаковъ свѣта. Я опять вошелъ въ классъ.

— Ничего не видно, Митричъ.

— Отлично. Полѣзай сюда. Сгораю нетерпѣніемъ познакомиться съ Поль-де-Кокомъ.

Мы спокойно прочитали весь романъ.

Его завязка: Молодой человѣкъ познакомился съ двумя молодыми дѣвицами и очень имъ понравился. Въ извѣстные моменты онъ блѣднѣлъ и таинственно куда-то исчезалъ.

Развязка: дѣвицы приняли живое участіе въ судьбѣ интереснаго молодого человѣка, стали дѣйствовать и... открыли, что молодой человѣкъ страдалъ хроническимъ поносомъ.

— Ну, и фруктъ,—проворчалъ Митричъ.—Нѣтъ, Поль-де-Коку, не стоишь ты такой великолѣпной обстановки.

На слѣдующій день онъ отнесъ Поль-де-Кока въ библіотеку.

188. 1., май 8.

За смѣлую защиту семинаристовъ Стрункова перевели на латинскій языкъ въ С-ую семинарію. Это былъ единственный человѣкъ, который жилъ съ нами. Онъ держалъ у себя на хлѣбахъ семинаристовъ, велъ съ семинаристами дружбу—пріятство, мылся съ ними въ банѣ, гулялъ по городу и въ семинарскомъ саду, за городомъ.

На квартирѣ у него устроена была изъ полѣньевъ колокольня съ колокольцами, на которыхъ онъ вызванивалъ «Господи возвахъ» и «Иже хе-

рувимы». Трезвонить было его страстью. На Пасху онъ обходилъ всѣ колокольни города и вездѣ обязательно трезвонилъ.

Поражая въ обыденной жизни простотой и причудами, на кафедрѣ онъ удивлялъ насъ свободой, оригинальностью и силой мысли.

Онъ умѣетъ заставить работать головой, но и тутъ на немъ лежитъ печать оригинальности.

Н. С., — обращается онъ къ семинаристу, богатырю и красавцу, — скажите, что бы вы почувствовали, если бы вамъ на колѣни сѣла молоденькая и хорошенькая барышня.

Раздается общій смѣхъ. Н. С. поднимается красный какъ ракъ.

Потомъ все стихаетъ и, при захватывающемъ вниманіи всѣхъ, слѣдуетъ анализъ симпатіи, любви, о чемъ въ учебникѣ психологіи хоть не читай.

По философіи Струнковъ составилъ свои записки и отпечаталъ ихъ.

Уроки по философіи мы готовили по его запискамъ и послѣ его перевода въ С—ую семинарію. Самолюбивый, но ограниченный философъ приревновалъ насъ къ своему предшественнику. Онъ сталъ требовать, чтобы ему отвѣчали по его запискамъ. Но мы упрямо держались за учебникъ Стрункова.

Дѣло приняло для насъ самый неблагоприятный оборотъ, когда нашъ философъ вмѣшалъ въ исторію сумасброднаго ректора. Послѣдній потребовалъ выдачи всѣхъ учебниковъ Стрункова.

Мы выдали, но два учебника утаили, и по нимъ фанатичные почитатели Стрункова продолжали готовить уроки философіи.

Предъ экзаменами непризнанный философъ вздумалъ учинить съ нами самый вѣроломный расчетъ... При повтореніи курса онъ задалъ въ одинъ день всю философію и спросилъ затѣмъ всѣхъ Струнковцевъ, затѣмъ на одинъ же день задалъ всю

психологию и опять спросилъ тѣхъ же. Онъ преслѣдовалъ ихъ же на экзаменахъ и снова потерпѣлъ неудачу.

— Струнковъ, Струнковъ! можемъ-ли мы забыть тебя?

Нѣтъ, не мы только, но и цѣлыя поколѣнія семинаристовъ будутъ жить однимъ преданіемъ о философѣ съ большимъ умомъ и большимъ сердцемъ.

188... 1., сентября 10.

Ректоръ опять даетъ себя чувствовать. Онъ свелъ дружбу съ преподавателемъ раскола, котораго вся семинарія величаетъ не иначе, какъ «Свинья». Получилъ онъ эту кличку за свою согнутую, какъ у свиньи, фигуру, за маленькіе свинные глазки, за жирную физиономію, за пристрастіе къ сильнымъ рѣченіямъ и несомнѣнную склонность поступать по образу и подобию свиньи.

По расколу онъ требовалъ, чтобы мы запомнили обязательно, на что сѣлъ Индрикъ, когда буря разбила корабль, на которомъ онъ ѣхалъ (исторія «о бѣломъ клобукѣ»), сколько было оконъ въ кельѣ Аввакума и какъ Аввакумъ выражался, когда на него находила охота выругаться по мужицки.

Въ пику ему Струнковцы рѣшили отвѣчать уроки съ выпускомъ глупыхъ подробностей.

«Свинья» быстро замѣтилъ это, поставилъ всѣмъ демонстрантамъ по единицѣ и пожаловался ректору.

Среди общежитниковъ нашелся шпіонъ, который выдалъ вождей Струнковщины. Я въ числѣ послѣднихъ. Чѣмъ-то дѣло кончится? Ректоръ грозилъ выгнать изъ общежитія. «Свинья» пьянствуетъ съ нимъ изо дня въ день.

Ходитъ слухъ, что на дняхъ двоихъ семинаристовъ онъ водилъ въ «мѣста злачныя» и руководилъ тамъ ими, вызывая отвращеніе въ самихъ «ангелахъ падшихъ».

Въ качествѣ бібліотекаря онъ подложилъ свинью всему нашему классу. Онъ выдалъ всѣ лучшія пособія шпіону N—ву, а тотъ спряталъ ихъ къ себѣ въ сундукъ и пользуется одинъ. Пиши, почему хочешь, сочиненія! Просили—не даетъ, отругали,—пожаловался «Свиньѣ» и ректору.

Сентября 26.

«Свинью» скорехонько убрали. Кто-то донесъ о немъ архіерею.

Намъ прислали новаго изъ Петербургской академіи.

Какъ онъ говоритъ и какъ милъ въ обращеніи съ нами! Вотъ ужъ именно Божій даръ послѣ «свиньи».

Изъ класса онъ выходитъ не иначе, какъ при громѣ рукоплесканій. Его уже сравниваютъ съ самимъ Струнковымъ.

Сентября 30.

Насъ волнуютъ вопросы вѣры и будущаго папства.

Вожакомъ этой стороны нашей жизни является товарищъ Петичка Ольскій.

До сихъ поръ легкомысленный, донъ-жуанъ, и кутила, онъ послѣ ваката пріѣхалъ другимъ чело-вѣкомъ. Онъ по прежнему продолжалъ ухаживать за своей Клавдинькой, временами и наклюкивался, но все это было такъ, отъ нечего дѣлать. Душой онъ былъ занятъ не тѣмъ.

На вakatѣ онъ былъ пораженъ до глубины души папствомъ брата своего, недавно рукоположеннаго во священники.

Братъ его, какъ и всѣ священники, ходилъ по сбору. Но все собранное онъ отдавалъ какому-либо бѣдняку въ его полное распоряженіе, потомъ снова шелъ и набранное отдавалъ другимъ обездоленнымъ судьбой. На пасхѣ братъ Петички хри-

стосуясь, мѣнялся яйцами съ прихожанами, а въ мѣрку и не клалъ. Говорилъ Петичка о благоговѣніи, съ которымъ совершалъ братъ службу, о любви къ нему прихожанъ, о семейномъ счастьѣ брата и т. п.

До сихъ поръ ничѣмъ особеннымъ—кромѣ феноменальнаго легкомыслія—не выдававшійся Петичка сталъ центральной фигурой въ классѣ. Его окружили вниманіемъ и самымъ неподдѣльнымъ товарищескимъ уваженіемъ.

Своими разказами Петичка выдвинулъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые отодвинули на задній планъ всю «семинарщину».

Семинарщину при свѣтѣ новыхъ вопросовъ подвергли рѣзкой критикѣ и вынесли ей, если и не смертный, то все же и не оправдательный приговоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, что дала намъ семинарія? Даже Струнковъ имѣетъ для насъ цѣну только по тому, что въ душѣ нашей долго будетъ царить его благородный образъ, полный самоотверженной любви къ знанію. А объ остальныхъ преподавателяхъ, которые дѣлятъ всѣхъ на двоешниковъ, троешниковъ и четверошниковъ и неуклонно въ теченіи 6 лѣтъ ставятъ отмѣтки не за отвѣты, а, смотря по тому, въ какомъ разрядѣ состоитъ у нихъ ученикъ—какой толкъ намъ отъ такихъ учителей? А злосчастная пасхалія, гомилетика, литургика, догматика, основныя и нравственныя богословія. Къ чему вся эта сушь?!

Народъ страдаетъ. Нужно облегчить народу его долю. Хорошо бы было, если бы въ семинаріи въ теченіи 6 лѣтъ преподавали медицину и соединенныя съ нею науки. За 6 лѣтъ многое можно узнать.

Изъ семинаріи выходили бы батюшки-лѣкаря, а изъ епархіальнаго матушки-акушерки.

Пріѣзжаютъ они въ деревню и принимаются за дѣло, сразу всѣхъ къ нимъ располагающее. Они сра-

зу—нужные люди. А сельское хозяйство со всѣми отраслями, ветеринарія? Богъ мой! Какимъ бы полезнымъ дѣятелемъ былъ священникъ!

И зачѣмъ это учать не тому, что нужно, а тому, что никому не нужно, какъ эта пасхалія, этотъ дрянный учебникъ Августина по основному богословію?

Октября 2.

Былъ на именинахъ у брата. Еле поспѣлъ ко всенощной. Братъ все упрекаетъ меня, что я деревянный челоуѣкъ: въ постный день ни за что не стану ѣсть скоромнаго, на барышень не гляжу.

— Въ такіе-то годы! говоритъ онъ.

А подумалъ бы онъ: мнѣ-ли съ моей наружностью мечтать о барышняхъ, о семейномъ счастьѣ? Развѣ можетъ быть такая женщина, которой бы я понравился? Такой женщины не можетъ быть, и я долженъ всѣ усилія употреблять, чтобы и въ голову ничего подобнаго не допускать.

Самое лучшее для меня идти въ монахи.

Говорятъ, что, кто заявитъ о своемъ желаніи поступить въ монашество, тому поведеніе выставляютъ «5» и на казенный счетъ пошлютъ въ академію.

Я и заявлю.

Неважно что я чуть не каждый день до слезъ смѣюсь. Не къ лицу это монаху. Но что же мнѣ дѣлать? И замужъ за меня никто не поидеть.

Октября 4.

Дубинкинъ положительно изводитъ насъ. На многихъ онъ нагналъ такой страхъ, что Рафища, напр., или Михалычъ рѣшительно не въ состояніи произнести въ присутствіи инспектора цѣлую фразу, скажутъ подлежащее или сказуемое, а дальше духу не хватаетъ.

Дубинкинъ—тутъ какъ тутъ.